

УДК 304.2; 811.551

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-111-140>*Оригинальная научная статья*

В поиске эрыма: представления о лидерах и лидерстве в сельских сообществах Чукотки

А. А. Ярзуткина

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова,
Анадырь, Российская Федерация
✉ jarzut@mail.ru

Аннотация

В социальной антропологии проблематика лидерства сопряжена со сложностями определения, анализа и изучения этого феномена в различных обществах с различным пониманием власти. Представление исследователя о «лидерстве» и «лидерах» может не совпадать с этнографической реальностью и препятствовать поиску лидера в локальных сообществах. В статье предлагается вариант выявления лидеров через исследование представлений об эрыме, что в переводе с чукотского языка означает «начальник», «хозяин», «насильник», «сильнейший». На основании анализа полевого этнографического материала, полученного в десяти национальных селах Чукотки, рассматривается, как жители труднодоступных арктических поселений конструируют образ лидера в своей конкретной локации, по каким критериям стоит искать лидера в поселении и как чукотский язык и мировоззрение повлияли на формирование образа современного лидера. Выделяется два аспекта, с помощью которых можно «увидеть» лидера в конкретном сообществе Чукотки: административное положение и такие качественные характеристики, как сила и способность подчинять. Делается вывод, что человек, занимающий руководящую должность в селе, уже имел определенные лидерские характеристики или же развивал их, чтобы соответствовать образу «лидера», сконструированному в данном сельском сообществе. Локальные черты лидера выражались в основном посредством описания деятельности человека, то есть через определенные действия, которые были важны именно для этой конкретной территории и сообщества. Неизменными, универсальными чертами лидера были сила (физическая и психологическая) и способность к защите и насилию. Чаще всего в процессе поиска лидеров эти характеристики стабильно приводили к людям, которые оказывались главными и самыми влиятельными в сообществе.

Ключевые слова: антропология власти, лидеры, лидерство, Арктика, Чукотка, сельские сообщества, властные отношения, коренные жители Чукотки, культурный контекст, мировоззрение

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФ «Лидерство в удаленных арктических поселениях: антропологическое и социолингвистическое исследование властных отношений» по соглашению № 24-28-00556

Для цитирования: Ярзуткина А.А. В поиске эрыма: представления о лидерах и лидерстве в сельских сообществах Чукотки. *Арктика XXI век*. 2025;(4):110–140. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-111-140>

Original article

In search for ‘erym’: views on leaders and leadership in rural communities of Chukotka

Anastasiia A. Yarzutkina

Chukotka Branch of North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉ [jarczut@mail.ru](mailto:jarzut@mail.ru)

Abstract

In social anthropology, the problem of leadership lies in the complexity of defining, analysing and studying this phenomenon in different societies, each understanding power in their own unique way. A researcher’s conception of ‘leadership’ and ‘leaders’ may not coincide with ethnographic reality and may hinder the search for leaders in local communities. This article proposes a method for finding leaders by studying perceptions of ‘erym’, which translates from the Chukot language as ‘chief’, ‘master’, ‘rapist’, or ‘strongest’. Based on field ethnographic material obtained in ten national villages in Chukotka, the article examines how residents of remote Arctic settlements assemble the image of a leader in their specific location, what criteria should be used to search for a leader in a settlement, and how the Chukchi language and beliefs system have influenced the contemporary understanding of what a modern leader is. We have identified two aspects which can be used to pinpoint a leader in a specific Chukotka community, namely, a person’s social position and qualities such as strength and the ability to command. We have arrived at the conclusion that a person holding a leadership position in a village had already had certain leadership traits or had developed them in order to fit the image of a ‘leader’ formed in that specific rural community. Local traits of a leader were expressed mainly through a description of a person’s activities, i.e. through certain actions that were important

for that particular territory and community. The unchanging universal characteristics of a leader were strength (physical and psychological) and the ability to defend and exercise violence. Most often, when searching for leaders, these characteristics have consistently produced results, leading to people who turned out to be the most important and influential in a specific community.

Keywords: anthropology of power, leaders, leadership, Arctic, Chukotka, rural communities, power relations, indigenous peoples of Chukotka, cultural context, world view

Funding. This study was funded by the grant of the Russian Science Foundation “Leadership in Remote Arctic Settlements: the Anthropological and Sociolinguistic study of Relations of Power”, No. 24-28-00556)

For citation: Yarzutkina A.A. In search for 'erym': views on leaders and leadership in rural communities of Chukotka. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):111–140 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-110-140>

Введение

Лидерство не является универсальным феноменом и в различных сообществах проявляется в зависимости от контекста, обладая социальной обусловленностью. Социальные антропологи отмечают, что существуют противоречия между аналитическими концепциями власти и пониманием власти и лидерства среди изучаемых ими людей. Сложность определения таких понятий, как «лидерство», «власть», «авторитет», «влияние», «лидер», и само их понимание в различных культурах и обществах оказывается важной проблемой, причем не только для антропологии, но и для других наук [1, с. 179; 2, с. 107; 3, с. 4].

В процессе полевой этнографической работы в удаленных арктических поселениях я сталкивалась с тем, что на мой вопрос, кто является лидером в селе, люди терялись с ответом или долго раздумывали над ним. В некоторых случаях они сразу указывали на главу села, но в дальнейшем высказывали сомнения по поводу своего ответа. При этом на вопрос о «власти» неизменно определяли ее через представителей государства: президента, губернатора или главу района. Такая, с одной стороны, растерянность, а с другой стороны, персонализация навели меня на мысль о том, что, возможно, мои информанты понимают идею лидерства по-другому и в их условиях жизни, социальном окружении и культурно-историческом контексте фигура лидера и его образ оказываются иными.

Ситуации, когда этные понятия, сформулированные антропологом для проведения исследования, не совпадают с эмными понятиями, кото-

рые он встречает в изучаемом сообществе в поле, не являются редкими [4, с. 39]. В процессе своего поиска лидера в селах Чукотки я поняла, что в какой-то мере столкнулась с ситуацией, которую описывали авторы статьи «Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике» (К.В. Истомин, Е.В. Лярская, В.А. Васильева). В ходе полевого исследования они поняли, что в эмной реальности понятие неопределенности, которое было центральным в их проекте, не определяется или определяется людьми совершенно иначе. В результате авторы статьи выработали несколько типов инструментария для полевого исследования: 1) переформулировка этного понятия в эмных терминах; 2) поиск эмного значения понятия и соотнесение его с этным; 3) сконструирование понятия – провоцирование информанта на трактовку слова и формулировку своего понимания его смысла [4, с. 40].

В какой-то мере все эти инструменты так или иначе использовались и в моей полевой работе. Однако, так как моей целью была персонафикация лидера/лидеров и понимание того, почему тот или иной человек может быть соотнесен с понятиями «лидер» и «власть», я не была сфокусирована на выяснении эмного определения лидерства. Вместе с тем в процессе выявления лидеров и изучения косвенных и скрытых процессов проявления власти в изучаемых сообществах я сталкивалась с тем, что представления о лидерстве и сконструированный людьми образ лидера так или иначе приводят меня к нахождению лидера/лидеров в изучаемом сообществе.

В предлагаемой работе, основываясь на анализе полевого этнографического материала, полученного мной в десяти селах Чукотки, я попробую рассмотреть, как жители труднодоступных арктических поселений понимают лидерство в своей конкретной локации, по каким критериям стоит искать лидера в поселении и как чукотский язык и мировоззрение повлияли на формирование образа современного лидера.

Материалы и методы

В гуманитарных науках существует множество концепций власти [5, с. 82–91]. Точно так же понятия «лидерство» и «лидер» имеют массу интерпретаций, каждая из которых по-своему справедлива и приложима к своему контексту. Как писал Дж. М. Бернс, чтобы понять природу лидерства, необходимо понять сущность власти, поскольку лидерство – это особая форма власти [6, с. 12]. Приступая к исследованию, я определила лидерство как особую социальную позицию человека в сообществе и процесс определенных социальных отношений, связанных с властью и влиянием. Это понимание позволило мне использовать в качестве источника результаты моих наблюдений и интервью, которые я проводила

в селах Чукотки до того момента, когда изучение лидерства оказалось в фокусе моего основного внимания. Из исследованных мной сообществ десяти сел Чукотки в шести поселениях я целенаправленно искала лидеров и брала предметные интервью у жителей¹. В каждом из поселений я проводила включенные наблюдения от двух недель до полутора месяцев и вела глубинные интервью с жителями. Часть интервью фиксировалась в полевой дневник, другая часть была записана на аудионоситель и затем дословно транскрибирована, что позволило проанализировать речь информанта и употребляемые им слова и термины.

Также в качестве источников использовались чаты в социальных сетях: два чата социальных групп Чукотки, в которых объединены коренные малочисленные народы, интересующиеся поддержанием родного чукотского языка и национальной культурой; три другие чата – объединения жителей конкретных сел, в которые я была включена, когда вела полевую работу.

Население национальных сел Чукотки в среднем на 90% состоит из представителей коренных малочисленных народов: чукчей, эвенов и эскимосов. Я проводила исследование в основном в чукотских селах с численностью населения 150–800 человек, расположенных как на побережье Чукотского полуострова, так и в материковой части. История большинства поселений в существующих сегодня административных и территориальных границах началась в 50-х годов XX века. До этого времени отдельные оленеводческие стойбища кочевали по тундре, а небольшие поселения морских охотников были рассеяны по побережью. После укрупнения и централизации сел началась история новых отношений людей с властью, переход на иной хозяйственный уклад, и, соответственно, стало возникать новое лидерство. Сложная транспортная схема и труднодоступность сел способствовали складыванию в поселениях особого микромира, со своими социальными и родственными связями, инфраструктурой, традициями и проблемами.

В настоящее время в каждом селе есть глава поселения (выборная должность) или уполномоченный главы администрации,

¹ В статье я ссылаюсь на полевые материалы автора (ПМА) и привожу измененные имена информантов и название села с целью сохранения конфиденциальности. Цитаты из интервью отредактированы для удобства читателя, но при этом сохранены авторские оценки, выражения и обороты. Также в квадратных скобках по тексту цитаты приводятся уточнения, в круглых – пояснения, многоточия означают пропуски части цитаты или паузы в процессе беседы. Ссылки на авторов цитат содержат следующие сведения: пол, год рождения, имя, должность и/или национальность. Например: ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

назначаемый главой района. В ряде изученных мной побережных сел действуют территориально-соседские общины, специализирующиеся на морском зверобойном промысле, а также работают муниципальные сельхозпредприятия, поддерживающие оленеводство и рыболовство. Эти организации, как и большинство учреждений в селе (центр образования, дом культуры, фельдшерский пункт и др.), так или иначе содержатся на бюджетные средства, следовательно, могут быть соотносены с государственными структурами. Бизнес-структуры в селах практически отсутствуют, не считая торговцев спиртным, которые работают нелегально, и мелких предпринимателей, торгующих отдельными товарами на дому.

В данной статье я использую понятие «лидер» как отправную точку, имея в виду под этим термином человека, играющего в сообществе определенную социальную роль, связанную с руководством, главенством, влиянием, властью, авторитетом. При этом я допускаю, что понятия «лидер» и «лидерство» являются дискурсивными конструкциями, которые могут не совпадать с этнографической реальностью. Среди современных исследований лидерства вставал вопрос о том, существует ли оно на самом деле [7; 8] и, будучи эмпирическим объектом этнографических исследований, не исчезает ли в среде повседневной жизни [9, с. 765].

На перекрестке дискуссий о том, является ли лидерство объективным явлением и, следовательно, существует независимо от действий человека, либо это социальная конструкция, и реального объекта, соответствующего термину «лидерство», нет, возникает вопрос о способе его изучения. С. Спозельстра предложил подход, который рассматривает лидерство как феномен действительно существующий, но не проявляющий себя объективно [10]. При таком подходе «лидер» оказывается, пользуясь выражением Ж. Деррида, «видимым невидимым» [visible invisible], то есть вне поля зрения, но при этом его интериорность временна, и она подчиняется порядку видимости [11, с. 90]. В качестве способа распознавания С. Спозельстра предлагает «исследование образа лидера». Если исследователь не может увидеть «лидерство», то сами представители сообщества его видят. И они видят «лидеров» через свой образ, то есть характерные лидерские черты и атрибуты. Соответственно, лидерство всегда предстает в форме образа [10, с. 185, 186], и для того, чтобы исследователь увидел лидера, он должен зафиксировать этот образ и далее смотреть на потенциальных лидеров через этот образ или с помощью него. Следуя этому пути в процессе поиска «лидера», я фиксировала представления жителей поселений Чукотки о лидере и лидерстве.

Результаты и обсуждение

Традиционное представление о «лидере» в языке и дискурсах

Само слово «лидер» употребляется в основном в официальном дискурсе (научном, политическом), а в повседневной речи люди для обозначения определенной социальной роли человека употребляют такие слова, как «начальник», «глава», «бригадир», «директор», «бугор», «главный». На Чукотке крайне редко можно услышать разговорную чукотскую или эскимосскую речь. Большинство коренных жителей говорят на русском языке. Однако, по моим наблюдениям, те, для кого чукотский язык является родным, часто включают в свои диалоги отдельные чукотские слова. К таким словам относятся чукотские *эрым* и *эрмечин*. Например, в беседе женщина сказала такую фразу: «...все хотят *эрымами* быть, никто не хочет работать»².

В чате одной из общечукотских социальных групп был зафиксирован комментарий под фотографией губернатора Чукотского АО. Одна из участниц написала: «*Эрым* женился». В этой же группе губернатора еще несколько раз называли *эрым*, при этом при обсуждении других должностных лиц их называли по фамилии или имени и отчеству, а иногда просто «их начальник».

И.В. Шкловский в конце XIX века писал, что «как у оленных, так и у собачьих чукчей есть свои царьки – *эрем*, хотя никаким особым почетом среди своих подданных не пользующиеся» [12, с. 150]. В.Г. Богораз в своем словаре пишет, что чукотское слово *эрым* (сущ.), означающее изначально «начальник, староста, поставленный русскими» и производное от основы «сильный», «насильник», «силач», стало употребляться в значении «председатель», «административное лицо» [13, с. 30]. В отчетах и воспоминаниях путешественников и чиновников середины XIX – начала XX века встречается термин *эрым/эрем*. Например, в 1873 году миссионер Дионисий писал об одном чукче – «*Эрем Армаургин*»³. Этот чукча имел власть, по словам Г. Майделя, только над теми чукчами, «которые чаще могли приходить в соприкосновение с колымскими жителями», побережные же жители его власть не воспринимали [14, с. 96, 97].

В настоящее время слово *эрым* использовалось участниками чата в социальной сети не только по отношению к губернатору. Под фотографией женщины – руководителя общественного объединения, выступающей за сохранение родного языка, также была подпись: «Дорогой

² ПМА: ж – 1967, Ирина, чукчанка.

³ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

эрым». Или, например, фото детского рисунка сопровождала подпись: «Эрым Кумлю – герой иллирнейской детворы». Речь шла о главе чукотского села Владимире Кумлю, отправившемся на СВО. Еще в одном сообщении женщина просит написать обращение главе ее села и пишет о нем «эрым глава».

Анализ интервью и бесед показал, что некоторые информанты в отношении местных чиновников употребляли слово *эрмичин*. В чукотской лексике слово *эрмэчыын* (чук. *ert(e)*, кор. *aim(a)*) в буквальном переводе означает «сильный», «сильнейший, богатырь» [15, с. 173; 16, с. 156]. По свидетельствам В.Г. Богораза и И.С. Вдовина, это слово также имеет другие значения, в частности «воин», «влиятельный человек», «насильник», «грабитель», которые в фольклоре объединяются [17, с. 162; 18, с. 252]. В одном из чукотских текстов, которые приводит В.Г. Богораз, отец, гордясь своим сыном, говорит: «Ого! Вот я создал будущего насильника, грабителя чужих стад, воина я создал. Я – хороший человек» [17, с. 102].

В оленеводческих стойбищах слово *эрмэчыын* употреблялось в значении «хозяин шатра», «хозяин стойбища». В 1895 году И.В. Шкловский взаимодействовал с одним чукчей, с которым познакомился в Средне-Колымске и у которого гостил. Все называли его *Эрмичен*, и автор обращался к нему так, как будто это было его имя. *Эрмичен* был хозяином стойбища, имел несколько жен, активно торговал и ездил по поселкам [12, с. 67, 115]. Проведя анализ властных отношений в семейно-родственных коллективах оленных чукчей в XIX – первой половине XX века, Е.А. Давыдова сделала вывод, что властный ресурс у них не был закреплен за субъектом, а распределение власти между людьми в коллективе постоянно переопределялось контекстом конкретной ситуации [19, с. 199].

В приморских поселках номинацию *эрмэчыын* могли употреблять в отношении силача, лучшего борца, торговца, объезжающего поселки на собачьих упряжках [17, с. 163]. Слово *эрмэчыын* инкорпорируется с другими словами. Например, в одном из интервью Борис Ыттыгыргин (1947 г.р.) рассказывал: «Дед и отец были охотниками-промысловиками. По чукотским меркам дед считался состоятельным человеком – *ы'твэрмэчыын*, имел байдары, вельбот»⁴. Слово *ы'твэрмэчыын* переводится как «хозяин байдары», «старший на байдаре» и состоит из двух слов: *ы'твыльын* – морской охотник, лодка; *эрмэчыын* – сильнейший,

⁴ Антонов А. Тот самый Ыттыгыргин. *Крайний Север*. 2022. 13 мая. Режим доступа: <https://www.ks87.ru/obshchestvo/94/14220> (дата обращения: 11.11.2025).

силач [20, с. 425, 422, 572]. Интересно, что для обозначения капитана (судна) в чукотском языке используется слово *ы'твэрым*, состоящее из *ы'твыльын* – лодка и *эрым* – начальник [Там же, с. 425, 574].

По словам В.Г. Богораза, «чукчи сами понимают различие оттенков этого слова» [17, с. 162], каждое стойбище живет совершенно независимой от других отдельной жизнью, и влияние *эрымэчыын* на жителей соседних стойбищ весьма неопределенно [17, с. 163]. Исследователь приводил множество примеров, когда люди называли или считали кого-то *эрымэчыын*, и все эти примеры показывали неоднозначность признаков. В каждом отдельном случае это были определенные качества или действия, значимые и ценные именно для конкретного сообщества.

Отправные точки поиска лидера

Такое разнообразие смыслов чукотских слов *эрым* и *эрымэчыын* в языке может отражать разноаспектность культурных значений лидерства и в прошлом, и в современном чукотском сообществе. Анализ языковых оттенков слов *эрым/эрымэчыын* и исторических материалов с примерами лидерства в чукотской культуре повел меня по пути классической этнографии – реконструировать настоящее, опираясь на язык и традиционную культуру. В результате я выделила и опробовала два аспекта, с помощью которых можно «увидеть» лидера в конкретном сообществе Чукотки.

1. Административное положение. Согласно М. Фуко, не власть исходит от государства, а скорее, государство является ее порождением [21, с. 52]. Территория Чукотки была официально присоединена к Российской империи в XVIII веке, однако принадлежность чукчей к государству долгое время оказывалась номинальной. Несмотря на то, что из-за малодоступности, необжитости этой территории и непонимания местным населением институтов подданства государству, полноценного государственного управления на Чукотке не складывалось [22], привилегии, предоставляемые российской, а затем и советской властью, а также повседневные взаимодействия коренных жителей с чиновниками в итоге превращались в ресурс для получения/расширения собственной власти [19, с. 201]. В начале XX века В.Г. Богораз указывал, что слово *эрым*, наряду с уже обозначенными выше переводами, означает и «начальник, староста, поставленный русскими» или «административное лицо» [13, с. 30]. В настоящее время государство проникло почти во все сферы жизни местных сообществ, и, хотя должностные иерархии и локальные представления о лидерских качествах не всегда совпадают [23, с. 286], административные должности в селе сохраняют за собой не случайные люди.

2. Сила и способность подчинять. В традиционном понимании чукчей, как было указано выше, «силач», «наильник» и «начальник» обозначаются одним словом. Даже в современных реалиях физическая сила человека и его способность оказать помощь и дать защиту окружающим («сила» в широком понимании) являются важными для выживания и благополучия в экстремальных условиях Чукотки. Насилие же и власть взаимосвязаны, несмотря на свою асимметричность. Анализ власти концентрируется на подчинении как определяющем свойстве власти [5, с. 93], соответственно, способность к насилию, то есть принудительному воздействию на других, может рассматриваться в качестве потенциала для выявления лидера.

В моем арсенале были вопросы: «Кто самый сильный в селе?», «К кому вы идете, если у вас что-то случается?», «Кому из села вы не можете отказать?» и другие. Я не ограничивала людей в выражении понимания «силы», но после ответов или указаний на конкретных людей задавала уточняющие вопросы, о какой именно «силе» идет речь, как она проявляется и каким образом эта «сила» демонстрирует авторитет и влияние. Также «силу» человека и его превосходство можно было увидеть в процессе коллективных практик: на праздниках, похоронах, при разделке мяса крупных морских животных, на пожаре, сельских сходах и собраниях.

Учитывая, что исторически в сообществах жителей крайнего Северо-Востока России власть не была закреплена за одним человеком и имела разнообразные проявления [19, с. 199; 24, с. 544, 607], я предположила, что в современных чукотских селах лидерство может быть «рассеянным» между несколькими людьми, проявляться ситуационно и переопределяться с течением времени или в случае каких-то перемен. Соответственно, я не искала одного-единственного лидера или завершенный идеальный образ лидера, а допускала, что лидерские черты могут быть диффундированы среди представителей сообщества.

Видимые «лидеры»: администрация села и сельские учреждения

Внешние связи являются одной из функций лидера, и поэтому, когда я приезжаю в село, в большинстве случаев тот, кто меня встречает, является тем человеком, который в селе эту функцию обеспечивает. Для сообщества села я «чужак», но так как у меня обычно есть официальные письма или поддержка районной власти, то взаимодействие со мной должно быть кем-то обеспечено. Интересно, что в воспоминаниях путешествующих по Чукотке людей начиная с XVIII века одним из критериев того, что местного жителя называли «тойоном», «князьцом» или «начальником», была как раз помощь и сопровождение в поездке,

а также обеспечение возможности общения с другими жителями [25, с. 104–105].

В большинстве сел, в которых мне удалось побывать, это был/была глава села. Должность главы поселения накладывает на человека ряд обязанностей, которые идентичны функциям «лидера» в целом. Если обобщенно, то кроме внешних связей это организационно-управленческая роль, распоряжение сельскими ресурсами и регулирование внутренних процессов в селе. Соответственно, даже если человек до вступления в должность не обладал способностью эти функции исполнять, то, становясь главой, он должен был освоить эти навыки и включить их в свое поведение и повседневную деятельность.

Мои интервью с главами сел показали, что начало работы в должности главы села означало для них не только получение статуса чиновника или новой работы, но и обязанность быть/стать лидером в местном сообществе. Как выразился один из глав сел, *«работа хороша тем, что ты теряешь много комплексов, но плоха тем, что теряешь много хороших качеств»*⁵. Не все люди, ставшие главами поселений, осознавали себя лидерами или были ими. Только в одном из всех изученных мной поселений жители говорили о том, что глава села был явным лидером еще до вступления в должность.

Глава села Гыроелгын рассказывал, что сразу после выбора его главой стал читать все законы, связанные с его деятельностью: *«Там черным по белому написано: "Глава сельского поселения является высшим должностным лицом". Понимаешь? "Возглавляет и руководит на принципе единоначалия". Это не я сказал. Это в законе так. Значит, я должен стать здесь хозяином»*⁶.

Читая слова закона «Глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется... собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения»⁷, человек перформативно принимает на себя роль «лидера» – главного руководителя в сельском сообществе. Соответственно, каждый глава поселения вырабатывает свою стратегию становления лидером, и во многом от того, насколько успешной она будет, зависит его способность сохранить свою должность в будущем.

⁵ ПМА: м – 1966, Константин, глава села, украинец.

⁶ ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

⁷ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Статья 19.

Например, глава села Лелгын описывала этот процесс как трансформацию своих принципов и поведения. До вступления в должность в 2021 году тридцатидвухлетняя Ольга, уроженка этого села, работала в местной больнице и не имела особого влияния на жителей.

«Депутатов собирала сама. Это кошмар. Дежурство в праздничные дни. У всех же выходной, все же отдыхать хотят, а им нужно быть тут и на связи. Это их сильно напрягало. На общественных началах вся эта работа. Не оплачиваемо. Некого. И в самом начале мне было сложно. Потом постепенно я... ну, сильнее стала. Как бы уже так... твердо. Не грубо, но, знаете, вот прямо серьезно с ними... Собрала. Работали...

Есть такие люди, которым нужна власть. Им надо все знать, надо обо всем быть информированными. Вот они приходят ко мне и говорят: “А ты знаешь, что тот – вот это сделал? А ты знаешь, что та – вот то?” Я говорю: “Нет, не знаю”. [Они мне:] “Ты же глава – ты должна все знать!” [Глава:] “Я знаю, что мне положено по должности. Остальное мне зачем? Вплоть до того, кто там с кем и как... Потом я уже думаю: пусть говорят, рассказывают мне вот это всякое, я молчу, киваю, потом такая: “Где?!” (смеется). Думаю: ну, раз я глава, буду все знать (смеется)...

Вот у меня жизнь стала: работа-дом, работа-дом. Ну, иногда на рыбалку я схожу. И вот я стала замечать, что за мной все следят. Вот настолько людям стала интересна моя жизнь. Как будто все, вот любое за мной посмотреть, любая информация. Раньше жила и жила, и никому не нужна была... теперь каждый шаг я думаю, стоит или нет. Я одна живу и даже ни..., ну, с мужчинами. Нет. Пусто. Зато никто за моей спиной ничего не скажет...

Я из-за этой работы немножко от всех отстранилась, и у меня теперь очень-очень узкий круг общения стал. Ну, потому что никак по-другому. И стали считать, что я высокомерной стала... В костюмах на работу прихожу – тоже высокомерная (смеется)... Я должна быть “лицом” села. В командировку ездила, сразу много купила...

Когда сильно дистанцию держишь, они думают, что ты типа зналась и к тебе не подъехать, не подойти. Я со всеми по-обычному, по-человечески стараюсь. То есть кто пришел, даже мимо проходит, может зайти поздороваться. Спросить, как дела. Те же олениводы – стучит сюда: «Что у тебя тут новенького?» От него такой запах... дышать нечем. И я бы раньше, конечно, терпеть не стала. А сейчас я не могу, надо поговорить, раз пришел»⁸.

⁸ ПМА: ж – 1993, Ольга, глава села, чукчанка.

Для укрепления своего статуса главы Ольге необходимо было научиться быть «начальником», и в ее понимании это означало изменить отношение людей к себе для возможности организовать население, а также изменить свою одежду, повседневную и личную жизнь.

Глава села является промежуточной фигурой, и его деятельность можно сравнить с образом двуликого Януса: одно лицо развернуто в сторону «большой власти» (районной, окружной и т.д.), другое лицо смотрит на жителей его небольшого села. И «большая власть», и жители ждут от главы села проявления лидерства. Например, для районной администрации глава села – это главный человек, который способен влиять на все население и в случае необходимости организовать людей на выполнение любого дела.

Глава районной администрации рассказывал: *«У уполномоченного главы такие же функции, как и выборного главы. Ничего особо менять не стали, все привыкли. Но, конечно, мы ставим человека, который может там все организовать и с людьми взаимодействует. Это даже важнее. С документами мы поможем, а вот чтобы тебе людей собрать или повлиять на них, это должен глава уже знать, как сделать. Например, я ставлю задачу: население проинформировать, подобрать людей для мероприятия, участия в чем-то, собрать там людей, чтобы что-то сделали, ну, выборы, конечно. Понятно, что это все жители бесплатно должны делать. Ну, там за конкурсы могут им дать, но, по большому счету, никто не хочет. Все своими делами занимаются... И конечно, зачем мне глава, которого люди посылают? Или который говорит: “Надо то-то и то-то”, – а его не слушают»⁹.*

Сообщество села по-своему видит лидерство главы. Обычно люди рассказывают об этом не отвлеченно, а на конкретных примерах из прошлого, то есть обо всех «главных» – «настоящих начальниках», председателях и «сильных людях», которых они наблюдали в своей локации. Образ лидера не появляется просто так и не формируется из ничего. Он складывается и совершенствуется со временем в результате опыта взаимодействия людей с реальными лидерами [26, с. 45].

«Лидия Ивановна [бывшая глава села] ... ну, она “лидером” не была. Спокойная, старалась не нервничать, “сердечница”. Чуть, что: “Я не знаю, звоните сами”. Район [районные власти] устраивала. Бумажки в порядке, но не “лидер”... До нее Галя С. была главой. Вот она активная. Серега сразу свою кандидатуру снял, как узнал, что она тоже идет на выборы. Анжела [жена бывшего председателя общины

⁹ ПМА: м – 1969, Евгений, русский.

морзверобоев] подговаривала всех, чтобы не голосовали... Ее быстро выбрали... Как проблема – она сразу же в район звонила, требовала для села. Говорила, как есть. Не боялась... Потом собрали депутатов, сняли ее. Район поработал. Хотя для жителей она была авторитетом, защитником. Уехала потом»¹⁰.

Анализ наших интервью показывает, что жители оценивают лидерство главы села по нескольким критериям. В частности, по способности защитить и отстоять интересы жителей села перед «большой властью». Это характеризуется как признак силы и смелости. Важным качеством считается способность координировать людей и брать на себя главенствующую роль в разрешении конфликтов.

«Житель 1: Зачем на честного человека нападать? Глава должна разобраться с этим.

Глава села: ГЛАВОЙ тут и любой может стать!!!

Житель 2: Надо им БЫТЬ!

Житель 1: Когда были Нина Станиславовна и Виктор Леонидович, они на “слухи” собирали руководителей и обсуждали ситуацию! А не выносили “сор из избы” на публику!!!»¹¹.

Активность в деятельности и решении проблем, ежедневное общение с людьми также оказывались вариантами признания в главе села лидера.

«Вроде нормальная власть. Устраивает глава. Но я их не вижу, как будто их нет. Невидимки... Руководителя такого, его должно быть видно, он вот, должен быть везде, среди нас, делать, проблемы решать»¹².

Эталоном лидера для большинства наших информантов были директора колхозов и совхозов, строившие село в 60-х годах XX века или работавшие в позднесоветское время. Образ сильного русского начальника, приехавшего героически осваивать Север и выучившего чукотский язык, представлялся идеальным менеджером, который мог решить любую проблему и заставить работать любого человека на благо сообщества. Как писал Ю. Слезкин, «коренные северяне смотрели на каждого русского как на начальника и поступали соответствующим образом; большинство туземных старшин считали русских писарей вышестоящими лицами и выполняли их приказы» [27, с. 49].

Приезжему начальнику, без сомнения, необходимо было завоевать доверие не только коллектива своей организации, но сообщества села

¹⁰ ПМА: ж – 1960, Зоя, учитель, чукчанка.

¹¹ ПМА: чат села Лелгын.

¹² ПМА: ж – 1959, Екатерина, чукчанка.

в целом. Я не раз записывала истории об этом. Однако лидерство приезжего руководителя в какой-то мере было привычкой. Сообщество ожидало от него «грамотных решений» и посредничества в отношениях с другими приезжими, но уже районного или окружного уровня. Кроме того, приезжие руководители должны были обладать особыми знаниями по работе с «бумагами» и организации труда, несвойственного для коренных жителей. В большинстве изученных сел директор центра образования и начальник предприятия жилищно-коммунального хозяйства выступали важными фигурами и, по мнению наших информантов, имели большое влияние в селе, несмотря на свой статус «приезжих». Я даже наблюдала, как в селе Ыннэн директор школы, приехавшая в село с материка, конкурировала за власть и главенство в селе с главой этого поселения – местным коренным жителем. При детальном рассмотрении биографий приезжих руководителей было установлено, что несомненными лидерами являлись те, кто были замужем/женаты на местных и, соответственно, считались включенными в местное сообщество.

Особая категория людей, которых сообщество причисляет к «лидерам», – учителя из числа коренных жителей. Согласно данным о населении сел¹³ и моим наблюдениям, учителей с высшим образованием из числа местных жителей очень мало. Обычно это один или два человека на всю школу, а в некоторых поселениях нет ни одного. Так, из девяти учителей школы в селе Эпчиит только двое были из числа коренных жителей, а из пяти учителей начальной школы села Гыроелгын не было ни одного местного жителя.

Эти люди в представлениях остальных жителей являются носителями знания, а обладание особым знанием является одним из путей к лидерству.

«А.Я.: Кто лидер в селе?»

М.В.: Я думаю, Клавдия и Роман. Учителя. Интеллигенция. Очень уважаемые люди. Без них ничего в селе не будет. Везде помогут, грамотные, подкованные, мудрые. Не сразу “в лоб”. Высказали мнение – и ушли. А вы думайте! Ни одно дело в селе без них не делается»¹⁴.

В прошлом такой путь проходили шаманы, которые, развивая свою ритуальную компетентность, увеличивали авторитет [19, с. 200]. Однако и другие люди обладают теми или иными особыми знаниями, потенциально полезными для сообщества. Авторитетность и влияние

¹³ Данные получены из официальных списков жителей поселения, предоставленных мне в администрации поселения. Как правило, в этих списках указываются ФИО человека, дата рождения, адрес, национальность и образование.

¹⁴ ПМА: ж – 1962, Анна, чукчанка.

именно учителей складывалась из самого статуса «учитель» – образа грамотного и образованного «своего», который прошел трудный путь к своему образованию и помогал вписаться в «новый» для своих односельчан мир. Были живы воспоминания о том, какие трудности в недавнем прошлом приходилось преодолевать «туземцам», чтобы добраться до Ленинграда, изменить свое мировоззрение и быт, получить образование на неродном для себя языке и вернуться домой [27, с. 81]. Кроме того, «коренные северяне усвоили господствующие ценности советского общества», и образование постепенно стало важнейшим символом социального статуса для значительного большинства коренного населения [Там же, с. 155].

Школа является дисциплинарным пространством, где, согласно М. Фуко, порядок сам формирует субъекта и обеспечивает его подчинение. Школьная дисциплина, производителем которой является учитель, делает возможным непрерывный контроль над всеми [28].

«[Зоя Васильевну] все уважают в селе. Учительница. Она тут половину жителей выучила (смеется). Она идет по улице, и вот, я вижу, она смотрит на меня. Я сразу начинаю думать: “Что я сделала? Торчит у меня что? Сказала кому не так?” Так собираюсь сразу, подтягиваюсь как будто... Она к любому начальнику заходит, если это ее бывший ученик, и он уже все сделал, считай. Ей даже говорить не надо»¹⁵.

В небольших поселениях учитель, осуществляющий надзор, наказание и поощрение в школе, даже вне школьного пространства является обладателем дисциплинарной власти. Соответственно, представления о том, что учитель является носителем знаний и «просветителем», в сумме с образом человека, который способен добиться дисциплины и исполнения своих приказов, сформировали у многих представителей сообщества чукотских сел идею о лидерстве учителей.

Современные «силачи» и «наильники»: ключевые лидерские черты

Обладание силой в широком ее понимании (физическая, психологическая, социальная, экономическая и др.) является ключевой характеристикой «лидера». В поселениях Чукотки именно физическая сила традиционно была одним из важнейших признаков власти. Более того, если человек, которого люди принимали в качестве лидера, не обладал этой физической силой, для подтверждения статуса носителя власти ему эту физическую силу придумывали, либо он должен был ее найти вовне.

¹⁵ ПМА: ж – 1985, Мария, чукчанка.

В разных вариациях мне рассказывали историю про бывшего губернатора Чукотского автономного округа Романа Абрамовича¹⁶, в которой он выступает «силачом» именно с позиции обладания физической силой и смелостью. *«Абрамович приехал сюда [на Чукотку]. Ну, это те годы. Вообще страшно было. Голод, зарплаты не платили... Благодаря ему мы тогда выжили... Помню, как привозили мешки с мукой, рисом... И вот он однажды приехал. Ну, в Анадырь. Со своей командой. Там вот все его, ну, кто с ним. И сразу к Назарову¹⁷. Заходят в кабинет, прямо вот так. Без всякого. И Абрамович с ним там начинает говорить... А он [Абрамович], знаешь, спокойный такой, вежливый всегда... И тут Абрамович своим говорит: выйдите. Ну, они вышли, в общем. И как дверь закрылась, он к Назарову подходит – и в морду ему. Тот на стол повалился, кровь там у него. Вот и все. С тех пор Абрамович стал губернатором»¹⁸.*

Отталкиваясь от того, что сила, в том числе физическая сила, и насилие¹⁹ являются важными признаками власти для изучаемых сообществ, то и лидера можно найти среди тех, кто имеет приоритет в силе и совершает насильственные действия в отношении других. Практически каждое мое интервью, касающееся лидерства и обсуждения глав сел, руководителей учреждений, старейшин, председателей общин и просто уважаемых в селе людей, сопровождалось характеристиками «сильный – слабый». Мои информанты вкладывали в эту дихотомию широкий смысл и чаще всего не разделяли физическую силу/слабость и силу/слабость характера. Соответственно, важнейшей характеристикой образа лидера была эта комплексная «сила».

Например, глава одного из тундровых сел описывал, как после выборов на должность ему приходится строго следить за своим поведением и физической формой. В беседе он попытался объяснить, что считается «силой» у коренных жителей, кроме непосредственно физической силы.

«Нужно сохранять невозмутимость. Важно. Я раньше мог... ну, эмоции там, сорваться. Сейчас хоть что там внутри, кипит все – на лице я спокоен. Нельзя быть эмоциональным. Эмоции – это слабость... Наши чукчи не любят, когда врут. Если тебе перестали доверять,

¹⁶ Абрамович Роман Аркадьевич – Губернатор Чукотского автономного округа с 2001 по 2008 гг.

¹⁷ Назаров Александр Викторович – Губернатор Чукотского АО с 1991 по 2001 гг.

¹⁸ ПМА: ж – 1952, Валентина, русская.

¹⁹ Под «насилием» и «насильственными действиями» я понимаю воздействие одного человека на другого физического или психологического характера, помимо или вопреки воле последнего.

даже вот чуть-чуть соврал, – все. Заново доверие сложно вернуть. Невозможно... Тебе надо что-то – лучше прямо скажи, без всяких там уловок. Вот прямо: «Хочу на тебе заработать», «Хочу остаться главой, и мне вот то и это надо от тебя»... И это лучше, люди поймут... У нас уважают твое “хочу”. Все что-то хотят. Ты просто должен иметь силу сказать это прямо ему... Нельзя быть суетливым. Ценится спокойствие и такое вот, как бы сказать, ровность... Сложно было. Теперь привык»²⁰.

Женщина-лидер уступает по своей физической силе мужчине в силу своей природы, и это может оказаться препятствием для реализации власти. Наши наблюдения показывают, что женщины, имеющие влияние и авторитет в селе, разными средствами демонстрировали наличие физической силы у себя или рядом с собой.

Одна из глав сел, с которой я познакомилась в аэропорту, везла с собой ружье. В беседе оказалось, что она лучший во всем районе стрелок и активно участвует в спортивных соревнованиях. *«У нас уважают только сильных»²¹*, – сказала она. Другие женщины – главы сел, кроме силы в лице местного полицейского (в случае хорошего контакта с ним), имеют «сильного» мужа или мужчин-родственников, способных повлиять на людей с помощью физической силы. У двух глав-женщин в изученных мной поселениях мужа являются председателями общин морских зверобоев и, по сути, сами выступают носителями власти, при этом их лидерство, как правило, основано на удачливости в охоте, физической силе и способности заставить других мужчин работать.

В двух других поселениях женщины-главы сформировали вокруг себя команду физически активных и сильных мужчин из числа родственников и друзей, которые в случае необходимости эту силу могли продемонстрировать.

«Я в эту квартиру одна не хожу. Зову своих мужиков, и мы идем разбираться. Они все здоровые. Кто что против скажет? Сразу тихие такие: “Все, [Ольга Михайловна], сделаем...” Медведь в село пришел – думаете, кто с ним разбирается? Конечно, сразу мне звонят. Я – мужикам своим. Прыгнули в машину, поехали»²².

В другом случае женщина, не занимающая руководящего поста и, соответственно, не имеющая власти от государства, а также сильных родственников-мужчин, демонстрировала и постоянно подтверждала свою силу через агрессивное поведение:

²⁰ ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

²¹ ПМА: ж – 1994, Оксана, глава села, чукчанка.

²² ПМА: ж – 1993, Ольга, глава села, чукчанка.

«[Оксана] у нас. Она с мужиками просто: так может отмастерить, что он летит куда подальше. Приходит в контору – такие разборки устраивает, что здоровые мужики сидят хвост поджавши... Подралась как-то. Сказала Вике убраться, а та... загуляла. Ну, и потом наши разнимали их. Да это постоянно... Но она все двигает в селе. Все работает у нее. Грубая. Но активная»²³.

В селе Гыроелгын, в котором я жила около полутора месяцев, мне нужен был спортивный инвентарь для занятий. В разговоре с главой я спросила, есть ли у кого-то гантели или гири взаймы, на что он ответил, что есть у него. *«Мне нужно поддерживать свои мышцы и тело. Я мигнул сорок каждый день. Турник дома сделал. А иначе как я буду с этими алкашами справляться? Нельзя слабинку давать. Тут все чувствуют сразу. Слабый – все! Ты – никто. Пустое место... Упал в полынью человек. Надо быстро действовать, вытащить его, силы нужны»²⁴.*

Сила и насилие взаимосвязаны и выражают двойственную природу власти, основанной на дихотомии «сильный – слабый». Насилие может осуществляться посредством демонстрации впечатляющей силы, «провоцировать которую было бы безумием» [29, с. 132, 133]. Человек не может быть лидером, если он слабее остальных или не способен эту силу продемонстрировать. Об этом свидетельствуют и исторические материалы по чукчам [19, с. 59]

«Настоящим начальником, вот “лидером”, как ты говоришь (улыбается), у нас был Князев. Строитель. Даже осужден был. Начальником участка [ЖКХ] работал здесь. Вот он вес имел. Всех утром собирал в 08:00, все слушались... Не жадный, взаймы всегда давал. Доверие к людям. На улице мог отругать. Здоровый мужик. Даже треснуть мог. Но все слушались. Что бы ни сказал, всегда делали»²⁵.

Насилие не рассматривается в мировоззрении чукчей в качестве моральной категории. Насильник – это человек, который обладает силой, и, так как он сильнее других, он может взять, отобрать, подчинить. В чукотском фольклоре есть сюжет, объясняющий связь силы, насилия и власти: орел, подобно силачу, насильнику, имеет шесть жен, которых он отобрал у людей; белый медведь тоже *эрмэчын*, отниматель жен даже у людей [18, с. 252]. Насилие относится к средствам власти, то есть к тем способам, приемам, с помощью которых субъект власти осуществляет свою волю [30]. К таким «насильникам» и обладателям власти над людьми жители сел относят торговцев спиртным.

²³ ПМА: ж – 1960, Зоя, учитель, чукчанка.

²⁴ ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

²⁵ ПМА: ж – 1962, Анна, чукчанка.

«Идет белоухий [торговец спиртным]... по улице – король! Пьющий мимо него и начинает тоненьким голоском с этим барыгой. В роли “просящего”. Потому что знает, что чтобы дали [продали алкоголь], нужно лебезить... Унижается, потому что ему плохо без выпивки. Торговец как спаситель. И этому барыге нужно почувствовать свою власть. Чтобы в подчинении были... Бывает, и бесплатно нальет. Но потом не успеет человек копеечку свою получить, тот уже стоит. Дети там, есть нечего – его не волнует. Все равно отберет»²⁶.

В сельском сообществе торговец алкоголем существует в двойственном положении, находясь одновременно на противоположных концах сельской социальной лестницы [31, с. 217]. С одной стороны, его критикуют, ругают и ненавидят, с другой стороны, он встроен в социальную жизнь села как обладатель ресурсов, помощник в сложных ситуациях и человек, имеющий власть над теми людьми, которые, в силу своей зависимости от алкоголя, зачастую оказываются неуправляемыми. Несмотря на противоречивое положение, некоторых сельских торговцев спиртным можно назвать неформальными лидерами. Были случаи, когда возможность «налить каждому стопку» и периодически предоставляемая для помощи жителям села техника влияли на результаты выборов главы поселения или принятие важных решений. В отличие от других сельских лидеров, власть которых связана или с официальным положением, или с особыми качествами, власть торговца часто основана на применении психологического насилия. В одном случае насилие осуществляется над людьми, употребляющими алкоголь. Торговец использует тягу к алкоголю в качестве «рычага управления» личностью пьющего. В другом случае торговец, обладающий большими ресурсами (техникой, финансовыми средствами) и в нужный момент, предоставляющий их безвозмездно, может манипулировать моральным долгом людей, которым он оказал помощь.

Такие характеристики лидерства вписываются в модель лидера, предложенную Г. Бейли. Он рассматривает лидерство как тип экономической транзакции и нарушение общепринятой морали, а лидеров – как искусных стратегов и «обманщиков», которые стремятся максимизировать пользу для себя и завоевать поддержку посредством хитроумных маневров. Соответственно, важно увидеть не врожденные качества лидера, а эффективность конкретных тактик и стратегий в контексте власти. Бейли утверждает, что независимо от культурного контекста у лидеров имеются схожие принципы политической конкуренции [32].

²⁶ ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

Лидерство торговца спиртным и главы села, несмотря на моральную амбивалентность, очень схоже. И тот и другой выступают и «насильниками», и «спасателями». И к главе села, и к торговцу спиртным люди обращаются для решения проблем, помощи в сложных ситуациях. Эти лидеры обладают разными ресурсами, и люди в разных ситуациях рассчитывают на то, что смогут воспользоваться ими. Например, я наблюдала, как одна женщина, которой срочно нужно было попасть в районный центр к стоматологу, вначале пошла к главе села, чтобы тот договорился с руководителем строительной компании, строившей дорогу недалеко от села, довезти ее на «вахтовке» до районной больницы или же в приоритетном порядке, без очереди посадить на ближайший рейсовый вертолет. После того как машина строительной компании перенесла поездку, а вертолет по погодным условиям задержался, женщина пошла к торговцу спиртным, который периодически ездил на своей машине в райцентр, чтобы он взял ее с собой. В итоге она оказалась должна и тому и другому «спасителю».

Торговец спиртным, по рассказам информантов и моим наблюдениям, совершает психологическое и физическое насилие над людьми, употребляющими алкоголь, через манипуляции их тягой к алкоголю. Например, если человек истратил все деньги на спиртное, а утром ему необходимо похмелиться, он может попросить торговца налить ему выпить. Торговец может записать это в долг [33] или же при случае, когда ему нужна помощь в хозяйстве, заставить человека отработывать выпивку физическим трудом. Я наблюдала, как один житель села ежедневно кормил собак торговца спиртным и убирал его двор в счет отработки долга.

Глава села в качестве рычага насилия использует веру людей в необходимость сохранения поддержки со стороны государства и боязнь эту поддержку утратить. Глава села, главным ресурсом которого выступает как раз владение «государственным капиталом», включающим социальные связи с руководителями учреждений, районными властями и иные возможности, которые доступны должностному лицу, может заставить жителей делать то, что не является их желанием. Например, безвозмездно очистить от мусора территорию села, сшить национальный сувенир для участия в конкурсе, выкопать ров, собраться на митинг. Институты современного государства неизбежно носят принудительный характер, поскольку основаны на неравенстве сил. Органы государственной власти вынуждены опираться на систему принуждения для выполнения своих основных функций, и некоторое насилие может быть оправдано достижением благородных и общих целей [34, с. 388].

Физическая сила лидера и ресурсы, которыми он владеет (включая власть), может использоваться для манипуляции другими людьми и являться формой психологического насилия. Что же касается самих сельских жителей, то, по словам Э. Фромма, «повиновение сильной власти – один из путей, на котором человек избегает чувства одиночества и ограниченности». Временная потеря независимости и подчинение насилию обменивается на чувство защищенности [35, с. 167]. Соответственно, насилие в таком контексте не может рассматриваться в качестве моральной категории, но выступает в качестве одной из черт образа лидера, возникшей в конкретном культурном контексте. Культурные различия обуславливают различные модели лидерского поведения, и для изучения лидерства необходимы знания того, как конкретная культура влияет на поведение человека [36]. В изучаемых мной сообществах жесткость/жестокость лидера рассматривается как желательное качество, и это связано с особенностями культуры коренных жителей Чукотки. На лидере лежала основная ответственность за благополучие людей, соответственно, при необходимости он применял насилие к членам своего коллектива. Они не сопротивлялись и не возражали, признавая его власть [19, с. 63]. Таким образом, насилие и жестокость рассматриваются как конструктивные для всех сторон и могут восприниматься как действия подлинного лидера [34, с. 383].

Заключение

С точки зрения исследователя, «лидерство представляется скользким явлением: его трудно уловить» [10, с. 175]. Моя работа в чукотских селах и поиск в них лидера привели к мысли, что лидерство в современном сельском сообществе может быть размытым и может воспроизводиться через образы того, какими чертами должен обладать «начальник» – эрым.

Для меня как исследователя фигура лидера в селе была неочевидна, потому что я не была включена в сложно переплетенные социальные связи местного сообщества и была относительно независима от внутренних процессов в селе. Но чаще всего я не могла увидеть лидера потому, что мой образ «лидера» не совпадал с образом «лидера» местных жителей. Именно через этот образ (или отдельные его черты) люди воспринимали человека не просто как своего односельчанина, но и в качестве «начальника». Более того, оказалось, что, занимая определенную должность, человек начинает играть роль лидера по тому образу, который сконструирован сообществом.

Например, главы сел сами являются местными жителями и понимают, какие именно черты и качества помогут им быть «главными».

Соответственно, они пытаются эти качества у себя развить или компенсировать. Административное положение человека ставит его в двойственное положение: дарит лидерство через причастность к «большой власти» и одновременно обязывает стать лидером через соответствие локальному образу. Становясь начальниками или главами, люди начинали примерять на себя образы, созданные в местном локальном сообществе из предыдущего опыта общения с прошлыми начальниками. В каждом поселении это были разные люди – соответственно, и образы лидера различались.

Локальные черты лидера выражались в основном посредством характеристики деятельности человека, то есть через определенные действия, которые были важны именно для этой конкретной территории и сообщества. Например, «видимость» лидера, его включенность и активность или же представительские функции лидера в виде взаимодействия с «чужаками». В каждом селе это была своя особенная характеристика. В отличие от сел на севере Якутии, образ лидера не связывался с наследственностью – родственными связями, семьей или возрастом²⁷.

Неизменными, универсальными чертами лидера были сила (физическая и психологическая) и способность к защите и насилию. Чаще всего в процессе поиска лидеров эти характеристики работали устойчиво и приводили к людям, которые оказывались главными и самыми влиятельными в сообществе.

Глава села, которая описывала свое «становление на должность» и изменение образа жизни в связи с необходимостью «быть главой», фактически принимала на себя черты маскулинной силы. Она окружила себя физически сильными родственниками-мужчинами, но при этом отказалась от личной жизни; изменила одежду на строгие костюмы, стала выдержанной и строгой в общении, но вместе с тем должна быть защитницей жителей от угрозы (медведей) и другом оленеводов.

Образ одновременности защитничества и насилия лучше всего проявился через торговцев спиртным, которые оказывались чаще всего неформальными лидерами в селе.

Другой вид «силы» как характеристики образа лидера можно увидеть на примере учителей – местных жителей, имеющих высшее образование. С одной стороны, их влиятельность связывалась с владением «особыми знаниями». Однако при более глубоком рассмотрении их вес и авторитет строились на обладании дисциплинарной властью – силой установления и поддержания порядка.

²⁷ ПМА: полевой дневник экспедиции в села Усть-Янского района Республики Саха (Якутия). 2025 г.

Дисциплинарная власть в основном осуществляется посредством наблюдения, которое внедряется и поддерживается социальными учреждениями, и это постоянное наблюдение, согласно М. Фуко, побуждает субъекта контролировать свое поведение, как будто он находится под надзором, даже когда наблюдения нет. Школы задуманы как учреждения, использующие дисциплинарную власть для нормализации и контроля личности посредством наблюдения и проверки. Именно факт постоянной видимости и возможности быть увиденным удерживает дисциплинированного индивида в подчинении [37].

Дисциплинарная власть школьных учителей заключается в их способности поддерживать порядок и обеспечивать соблюдение правил, норм поведения, внешнего вида, успеваемости, которым учащиеся должны соответствовать. Учителя постоянно наблюдают за учащимися, влияя на их поведение посредством «взгляда и контроля со стороны» [38].

Учителю необходимо быть психологически сильным и иметь самодисциплину, чтобы добиться дисциплины от других. Он должен быть способен превратить хаос сельской свободы в порядок, даже вне школьного дисциплинарного пространства. Школьные учителя, например, влияют на тела и организацию жизни родителей, злоупотребляющих алкоголем. Родителю нужно быть более-менее трезвым, чтобы собрать и отправить ребенка в школу, потому что, если ученик *«пришел в школу неумытым, не отглаженным, грязным или проспал»*, учитель *«бьет тревогу»*²⁸, призывая родителя соблюдать дисциплину, и в качестве наказания может поставить вопрос о лишении родительских прав. В общесельском пространстве эта способность человека дисциплинировать тела осмысливается как сила, соответствующая образу лидера. Я зафиксировала как минимум две истории, в которых учителя становились председателями исполкомов, директорами совхозов и после расширяли свою роль держателей порядка и наблюдателей на все сельское сообщество. Об этих людях говорили как о сильных начальниках, и именно эти их качества в последующем дополняли образ локального лидера.

Литература

1. Волков В.В., Хархордин О.В. *Теория практик*. СПб.: ЕУСПб. 2008.
2. Ледяев В.Г. *Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012.

²⁸ ПМА: ж – 1959, Екатерина, чукчанка.

3. Bennis W., Nanus B. *Leaders: The strategies for taking charge*. New York: Harper & Row. 1985 (на англ.).
4. Истомин К.В., Лярская Е.В., Васильева В.В. Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике. *Сибирские исторические исследования*. 2025;(1):12–48. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/47/2>
5. Ледяев В.Г. Концепции власти: аналитический обзор. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Власть в Антропологическом дискурсе*. 1 том. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2006:82–102.
6. Burns J.M. *Leadership*. New York. 1978 (на англ.).
7. Alvesson M., Sveningsson S. The Great Disappearing Act: Difficulties in Doing 'Leadership'. *The Leadership Quarterly*. 2003;14(3):359–381. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1048-9843\(03\)00031-6](https://doi.org/10.1016/S1048-9843(03)00031-6) (на англ.).
8. Gemmill G., Oakley J. Leadership: an alienating social myth? *Human Relations*. 1992;45(2):113–129. DOI: <https://doi.org/10.1177/001872679204500201> (на англ.).
9. Kelly S. Leadership: a category mistake? *Human Relations*. 2008;61(6):763–782 (на англ.).
10. Spoelstra S. Is leadership a visible phenomenon? On the (im)possibility of studying leadership. *Management Concepts and Philosophy*. 2013;7(3/4):174–188 (на англ.).
11. Derrida J. *The Gift of Death*. Chicago: The University of Chicago Press. 1995 (на англ.).
12. Дионео – Шкловский И.В. *На крайнем Северо-Востоке Сибири*. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева. 1895.
13. Богораз В.Г. *Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь: с приложениями краткого очерка грамматики*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2011.
14. Майдель Г. *Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг.* СПб. 1894.
15. Молл Т.А., Инэнликэй П.И. *Чукотско-русский словарь*. СПб.: Просвещение. 2005.
16. Мудрак О.А. *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*. М.: Языки русской культуры. 2000.
17. Богораз В.Г. *Чукчи: Социальная организация*. М. 2011.
18. Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей. *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Л. 1976:217–253.
19. Давыдова Е.А. *Оленеводы Чукотки: власть, родство, отношения с государством (по материалам XIX – середины XX в.)*. СПб.: МАЭ РАН. 2021.

20. Венстен Ш. *Чукотско-французско-англо-русский словарь*. Т. 3. СПб.: Лема. 2018.
21. Низовцев Д.Б. Проблема власти в работах Мишеля Фуко. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2015;(4):49–57.
22. Зуев А.С. *Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век)*. Новосибирск: СО РАН. 2009.
23. Давыдова Е.А. Традиционное лидерство и государственные иерархии на Чукотке в советское и постсоветское время. *Материалы XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток*, Т. 2, г. Санкт-Петербург, 23–25 июня 2021 г. СПб.: НП-Принт. 2021:285–286.
24. *Народы Северо-Востока Сибири* / ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев. М.: Наука. 2010.
25. Нефедкин А.К. *Prosopographia Tschucotica: Историко-библиографический справочник жителей Чукотки (середина XVII – первая четверть XX в.)*. СПб: Алмаз-Граф. 2022.
26. Offermann L.R., Kennedy J.K., Wirtz P.W. Implicit leadership theories: content, structure and generalizability. *The Leadership Quarterly*. 1994;5(1):43–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2017.12.003> (на англ.).
27. Слезкин Ю. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. М.: Новое литературное обозрение. 2008.
28. Волков В.Н. Концепт «дисциплинарной власти» в современном культурологическом дискурсе. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2012;19(2):10–17.
29. Луман Н. Власть и физическое насилие. *Социология власти*. 2003;(3):127–146.
30. Залысин И.Ю. Насилие как средство власти: сущность и политические возможности. *В контексте конфликтологии* / ред. Т.М. Дридзе, Л.Н. Цой. М.: Институт социологии РАН. 1997. Режим доступа: <https://conflictmanagement.ru/nasilie-kak-sredstvo-vlasti-sushhnost-i-politicheskie-vozmozhnosti/> (дата обращения: 17.10.2025).
31. Ярзуткина А.А. «Тяжелый бизнес»: торговля алкоголем в селах Чукотки. *Антропологический форум*. 2022;(54):191–224. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-191-224>
32. Bailey F.G. *Humbuggery and Manipulation: the art of leadership*. Ithaca. New York: Cornell University Press. 1988 (на англ.).
33. Yarzoutkina A., Koulik N. «Ils boivent parce qu'ils n'ont pas d'argent, et ils n'ont pas d'argent, parce qu'ils boivent»: Relations à l'alcool et l'argent dans les villages de Tchoukotka. *Études Inuit Studies*. 2021;45(1–2):283–31. DOI: <https://doi.org/10.7202/1090319ar> (на франц.).

34. Sewell Gr. Can a leader be authentic and cruel? What happens when a vice becomes a virtue. *Leadership*. 2024;20(6):382–401. DOI: <https://doi.org/10.1177/17427150241283135> (на англ.).

35. Фромм Э. Психоанализ и религия. *Сумерки богов* / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Издательство политической литературы. 1990:143–221.

36. House R. J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V. *Culture, Leadership and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. 2004 (на англ.).

37. Deacon R. From confinement to attachment: Michel Foucault on the rise of the school. *The European Legacy: Toward New Paradigms*. 2006;11(2):121–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/10848770600587896> (на англ.).

38. Ceven G., Korumaz M., Omur Y.E. Disciplinary Power in The School: Panoptic Surveillance. *Educational Policy Analysis and Strategic Research*. 2021;16(1):153–171. DOI: <https://doi.org/0.29329/epasr.2020.334.9> (на англ.).

References

1. Volkov VV, Kharkhordin OV. *Theory of Practice*. Saint Petersburg: EUSPb. 2008 (in Russian).

2. Ledyayev VG. *Sociology of Power: Theory and Empirical Research of Power in Urban Communities*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. 2012 (in Russian).

3. Bennis W, Nanus B. *Leaders: The strategies for taking charge*. New York: Harper & Row. 1985.

4. Istomin KV, Lyarskaya EV, Vasileva VV. Between the Emics and the Etics: Methodology for Studying Uncertainty in the Russian Arctic. *Siberian Historical Research*. 2025;(1):12–48. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/47/2> (in Russian).

5. Ledyayev VG. Concepts of Power: An Analytical Review. *A Reader on Political Anthropology: Power in Anthropological Discourse*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. 2006:82–102 (in Russian).

6. Burns J.M. *Leadership*. New York. 1978.

7. Alvesson M, Svingen S. The Great Disappearing Act: Difficulties in Doing 'Leadership'. *The Leadership Quarterly*. 2003;14(3):359–381. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1048-9843\(03\)00031-6](https://doi.org/10.1016/S1048-9843(03)00031-6)

8. Gemmill G, Oakley J. Leadership: an alienating social myth? *Human Relations*. 1992;45(2):113–129. DOI: <https://doi.org/10.1177/001872679204500201>

9. Kelly S. Leadership: a category mistake? *Human Relations*. 2008;61(6):763–782.

10. Spoelstra S. Is leadership a visible phenomenon? On the (im)possibility of studying leadership. *Management Concepts and Philosophy*. 2013;7(3/4):174–188.

11. Derrida J. *The Gift of Death*. Chicago: The University of Chicago Press. 1995.
12. Dioneo – Shklovsky IV. *In the extreme north-east of Siberia*. Saint Petersburg. 1895 (in Russian).
13. Bogoraz VG. *Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) dictionary: with appendices of a brief outline of grammar*. Moscow. 2011 (in Russian).
14. Maydel G. *Travels through the north-eastern part of the Yakut region in 1868-1870*. Saint Petersburg. 1894 (in Russian).
15. Moll TA, Inenlikey PI. *Chukchi-Russian Dictionary*. Saint Petersburg. 2005 (in Russian).
16. Mudrak OA. *Etymological Dictionary of the Chukchi-Kamchatkan Languages*. Moscow. 2000 (in Russian).
17. Bogoraz VG. *Chukchi: Social Organization*. Moscow. 2011 (in Russian).
18. Vdovin IS. Nature and man in the religious beliefs of the Chukchi. *Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th century)*. Leningrad. 1976:217–253 (in Russian).
19. Davydova EA. *Reindeer herders of Chukotka: power, kinship, relations with the state (based on materials from the 19th – mid-20th centuries)*. Saint Petersburg: MAE RAS. 2021 (in Russian).
20. Vensten Sh. *Chukchi-French-English-Russian Dictionary. Vol. 3*. Saint Petersburg. 2018 (in Russian).
21. Nizovtsev DB. The Problem of Power in the Works of Michel Foucault. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2015;(4):49–57 (in Russian).
22. Zuev AS. *The annexation of Chukotka to Russia (second half of the 17th – 18th century)*. Novosibirsk: SO RAN. 2009 (in Russian).
23. Davydova EA. Traditional leadership and state hierarchies in Chukotka during the Soviet and post-Soviet periods. *Proceedings of the XXXI International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries: Russia and the East. Vol. 2*. Saint Petersburg: NP-Print. 2021 (in Russian).
24. *Peoples of North-East Siberia* / ed. Batyanova EP, Turaev VA. Moscow: Nauka. 2010 (in Russian).
25. Nefedkin AK. *Prosopographia Tschukotica: Historical and bibliographical reference book of the inhabitants of Chukotka (mid-17th – first quarter of the 20th century)*. Saint Petersburg. 2022 (in Russian).
26. Offermann LR, Kennedy JK, Wirtz PW. Implicit leadership theories: content, structure and generalizability. *The Leadership Quarterly*. 1994;5(1):43–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2017.12.003>
27. Slezkin Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Moscow: New Literary Review. 2008 (in Russian).

28. Volkov VN. The concept of “disciplinary power” in contemporary cultural studies discourse. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2012;19(2):10–17 (in Russian).
29. Luman N. Power and physical violence. *Sociology of power*. 2003;(3):127–146 (in Russian).
30. Zalyzin IYu. Violence as a means of power: essence and political possibilities. In *the context of Conflictology* / ed. Dridze TM, Tsoy LN. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 1997. Available at: <https://conflictmanagement.ru/nasilie-kak-sredstvo-vlasti-sushhnost-i-politicheskie-vozmozhnosti/> (date of access 17.10.2025) (in Russian).
31. Yarzutkina AA. “A stressful Business”: Alcohol Trading in Chukotka Villages. *Anthropologicheskij Forum*. 2022;(54):191–224. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-191-224> (in Russian).
32. Bailey FG. *Humbuggery and Manipulation: the art of leadership*. Ithaca. New York: Cornell University Press. 1988.
33. Yarzoutkina A, Koulik N. «Ils boivent parce qu'ils n'ont pas d'argent, et ils n'ont pas d'argent, parce qu'ils boivent»: Relations à l'alcool et l'argent dans les villages de Tchoukotka. *Études Inuit Studies*. 2021;45(1–2):283–31. DOI: <https://doi.org/10.7202/1090319ar> (in French).
34. Sewell Gr. Can a leader be authentic and cruel? What happens when a vice becomes a virtue. *Leadership*. 2024;20(6):382–401. DOI: <https://doi.org/10.1177/17427150241283135>
35. Fromm E. Psychoanalysis and religion. *Twilight of the Gods* / ed. Yakovleva AA. Moscow: Publishing house of political literature. 1990:143–221 (in Russian).
36. House RJ, Hanges PJ, Javidan M, Dorfman PW, Gupta V. *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. 2004.
37. Deacon R. From confinement to attachment: Michel Foucault on the rise of the school. *The European Legacy: Toward New Paradigms*. 2006;11(2):121–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/10848770600587896>
38. Ceven G, Korumaz M, Omur YE. Disciplinary Power in The School: Panoptic Surveillance. *Educational Policy Analysis and Strategic Research*. 2021;16(1):153–171. DOI: <https://doi.org/0.29329/epasr.2020.334.9>

Об авторе

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, начальник, Научно-образовательный центр «Циркумполярная Чукотка», Чукотский филиал в г. Анадыре, «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Анадырь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>, WoS ResearcherID: AAF-3748-2019, Scopus Author

ID: 55815641600, Elibrary AuthorID: 489809, SPIN: 4311-7968, e-mail: jarzut@mail.ru

About the author

Anastasiia A. YARZUTKINA – Cand. Sci. (History), Head, the Scientific and Educational Center “Circumpolar Chukotka”, Chukotka branch of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Anadyr, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>, WoS ResearcherID: AAF-3748-2019, Scopus Author ID: 55815641600, Elibrary AuthorID: 489809, SPIN: 4311-7968, e-mail: jarzut@mail.ru

Конфликт интересов

Автор Ярзуткина А.А. является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век» и не участвовал в рецензировании данной статьи. Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author Yarzutkina A.A. is a member of the editorial board of the journal “Arctic XXI Century” and did not participate in the review of this manuscript. The author is not aware of any other potential conflict of interests related to this manuscript

Поступила в редакцию / Submitted: 16.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised: 30.11.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2025